

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008:745

Научная статья

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-19-24>

Кавказский кинжал в зеркале культуры

Б.Ч. Месхи✉, С.И. Лукьяшко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ sciphica@ssc-ras.ru

Аннотация

Введение. Кавказский кинжал – яркий предмет горской культуры. Его роль не ограничивается декоративной и функциональной боевой ролью. Кавказский кинжал ярко иллюстрирует влияние предметного мира на человека. Влияние предметного мира на человека недостаточно изучено, а кинжал предоставляет такую возможность исследователю. Этот класс предметов сформировался в древности, но остается востребованным и в наше время, что позволяет непосредственно познавать смыслы, заложенные в предмет культуры.

Материалы и методы. В основу работы положен сравнительно-исторический метод исследования, согласованный с этнографическими методами – изучением литературных и фольклорных источников, сравнительно-функциональным или кросс-культурным наблюдением. Феномен кавказского кинжала рассматривается на широком этнографическом и хронологическом фоне.

Результаты исследования. Выявлена важнейшая семантическая роль предмета как знака мужественности, готовности защитить себя и свой род. Тем самым кинжал был гарантом порядка. Декоративное оформление делало его статусным и даже сакральным предметом, через который выражался стиль суперэтноса. Кинжал – знаковая часть инициационных обрядов. Он отражал готовность юноши стать на сторону порядка и справедливости, из чего вырастает значение кинжала как орудия мести. Многозначная боевая функция предмета требовала строгой регламентации обращения с ним. «Взяться за кинжал» обозначало угрозу, было предупреждением.

Обсуждение и заключение. Полифункциональность обеспечила длительное существование предмета в культуре. С увеличением роли государственного управления и судопроизводства роль кинжала переоценивается, а вместе с этим сам предмет исчезает из обихода, превращаясь в антиквариат.

Ключевые слова: кавказский кинжал, семантика, отражение в культуре

Для цитирования. Месхи Б.Ч., Лукьяшко С.И. Кавказский кинжал в зеркале культуры. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2024;10(1):19–24. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-19-24>

Original article

Caucasian Dagger in the Mirror of Culture

Besarion Ch. Meskhi✉, Sergey I. Lukiashko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ sciphica@ssc-ras.ru

Abstract

Introduction. The Caucasian dagger is a vivid object of mountain culture. Its role is not limited to decorative and functional combat role. The Caucasian dagger vividly illustrates the influence of the object world on a person. The influence of the object world on a person is insufficiently studied, and the dagger provides the researcher with such an opportunity. This class of objects was formed in antiquity, but remains in demand in our time, which allows us to directly cognize the meanings embedded in the object by culture.

Materials and methods. The work is based on the comparative-historical method of research, coordinated with ethnographic methods, i.e. the study of literary and folklore sources, comparative-functional or cross-cultural observation. The phenomenon of the Caucasian dagger is examined against a broad ethnographic and chronological background.

Results. The research reveals the most important semantic role of the object as a sign of masculinity, readiness to protect oneself and one's clan. Thus, the dagger was a guarantor of order. Decorative design made it a status and even a sacral object, through which the style of a super-ethnos was expressed. The dagger was an iconic part of initiation rites. It reflected a young man's readiness to stand on the side of order and justice, from which grows the significance of the dagger as an instrument of revenge. The multivalent combat function of the object required strict regulation of its handling. To "take up the dagger" meant a threat, a warning.

Discussion and Conclusion. Polyfunctionality ensured the long existence of the object in culture. With the increasing role of state administration and judicial proceedings, the role of the dagger was reevaluated, and with it the object itself disappeared from the household, becoming an antique.

Keywords: Caucasian dagger, semantics, reflection in culture

For citation. Meskhy B.Ch., Lukiashko S.I. Caucasian dagger in the mirror of culture. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2024;10(1):19–24. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-19-24>

Введение. В истории холодного оружия заметное место принадлежит кавказскому кинжалу. Он не обделен вниманием в исторических исследованиях [1]. Но при этом существуют еще слабо разработанные аспекты темы. На них мы, собственно, и остановимся.

Мир вещей не существует сам по себе. Он производное человеческой деятельности и, несмотря на это, сам во многом определяет поведение человека. Это ответное влияние чаще всего проявляется в культуре. Так, незаметно для нас одежда определяет наше поведение, а интерьеры и внешняя среда предписывают манеры, движение и даже определяют речь человека. В этом смысле всякая производная человеческой деятельности оказывает обратное влияние на человека.

Это влияние в обыденном сознании сводится к моральным и этическим нормам, которые исподволь влияют на человека. Истоки этого влияния часто кроются в глубокой древности, когда и происходило становление культуры и формирование представлений о норме. Наш вывод вовсе не означает, что новому миру вещей отказано в праве влиять на повседневность. Речь идет о том, что семантика вещи сформировалась в глубокой древности. И мы часто сами не осознаем это значение предмета. Но предмет помимо нашей воли влияет на человека. Так, мы не замечаем, что в языке до сих пор транслируется древнее представление о небосводе как водной стихии. Мы говорим «облака плывут», космические аппараты называем «кораблями», и эти эпитеты не вызывают у нас неприятия. Или называем «языками пламени» огонь, транслируя древнее представление об огне как всепожирающем рте, свойственном еще общеиндоевропейской древности.

Огромный интерес в этом плане представляет кавказский кинжал, на столетия ставший визитной карточкой культуры. На Кавказе кинжалы представлены двумя разновидностями: кама и бебут. В центре нашего внимания будет более распространенный тип кавказского кинжала – кама.

Материалы и методы. Семантика вещи исторически формировалась, что предписывает нам использование сравнительно-исторического метода исследования, дополненного этнографическими методами, включая изучение литературных и фольклорных источников, сравнительно-функциональные или кросс-культурные наблюдения. Феномен кавказского кинжала рассматривается на широком этнографическом и хронологическом фоне.

Результаты исследования. То что кинжал является производным от режущего орудия – ножа, ни у кого не вызывает сомнения. Древнейшие кинжалы известны в каменном исполнении. Яркими образцами этой линии развития являются знаменитые ацтекские кинжалы. Первое металлическое исполнение этого оружия известно нам из погребения царя первой династии Ура Ааннепада, XXVI в. до н.э. В гробницах Ура было найдено еще несколько кинжалов с золотыми клинками.

Прогрессивный характер этого нового оружия привел к быстрому распространению его в мире. В различных культурах идея воплощалась в разных формах. Истоки кавказского кинжала связаны с Ближним Востоком, где близкие формы оружия появляются еще в XVII в. На Кавказ кинжал кама попадает в конце XVII в. и получает наибольшее распространение в XIX в. Вторая линия культурного влияния восходит к иранской культуре, из которой вырастает напрямую заимствованная форма кинжала – бебут, попавшая на Кавказ через Среднюю Азию и Южный Прикаспий.

Ножи во многих культурах ассоциировались с фаллосом и, являясь принадлежностью мужчины, означали буквально, что мужчина без ножа – это человек без пениса. Этот весьма древний общечеловеческий код по-разному сохранялся в разных культурах. А.Ю. Алексеев убедительно доказал, что в оформлении рукояти скифского акинака заключена фаллическая символика [4, с. 271–280]. В скифской культуре даже ношение кинжала привязано было к обозначению этой производительной функции. Идея имела естественное продолжение в оформлении ножен, а помещение в ножны и извлечение кинжала семантически означало соитие. В этих представлениях легко увидеть одну из основ мыслительной деятельности человека – бинарную оппозицию, где смерть и рождение противопоставляются друг другу, но в тоже время составляют диалектическое единство. Такое значение кинжала в культуре обозначало, с одной стороны, маскулинность (т. е. половую принадлежность), с другой стороны, мужественность владельца.

А.А. Миллер еще в 1928 г., обнаружив каменное изваяние в одном из курганов у ст. Елизаветинской на Дону, обратил внимание на способ ношения кинжала – впереди на поясе, подобно ношению кинжала в традициях горской культуры [5]. Исследование могильника этого городища подтвердило правильность наблюдений исследователя. Во всех погребениях с кинжалом акинак лежит поперек таза рукоятью к правой руке.

Дальнейшая разработка темы привела исследователей к заключению, что рукояти акинаков имели фаллический облик, что подтверждается яркими примерами на скифских антропоморфных стелах. В системе скифской традиционной культуры кинжал акинак был воплощением бога войны и его форма была знаком мужественности, знаком готовности к борьбе.

Мужественность, точнее маскулинность, в культуре выражалась через мужскую производительную силу. Поэтому фаллическая схема вполне подходила для обозначения этой функции. Исходя из этого, и место кинжала было впереди на поясе. В иных культурах, в сарматской, например, кинжал носился на бедре или на голени.

Местоположение кинжала в горской культуре является ярким свидетельством сохранения этой маскулинной значимости предмета. В горской культуре кинжал был дуэльным оружием, и как дуэльное оружие он обозначал готовность к защите чести и достоинства, продолжая, собственно, намеченную нами ранее линию ответственности за порядок. Дуэльные правила были чрезвычайно суровые. Отклониться от дуэли означало потерять честь и достоинство не только личности, но и рода. При этом на дуэлях запрещались колющие удары. Смерть от колющего удара признавалась убийством. У разных народов были разные дуэльные правила: у осетин, например, дуэлянтам завязывали глаза и бой проводился вслепую. У чеченцев сражение шло на расстеленной бурке, выходить за ее пределы запрещено. Нарушителя позволялось убить. Месть за убитого на дуэли запрещена. Бой заканчивался смертью одного из дуэлянтов, инцидент считался исчерпанным.

Кавказский кинжал гораздо больше, чем хороший клинок – это *вещь сакральная*. И здесь это слово весьма уместно. В прежние времена свой первый кинжал горский воин получал в день рождения, а в четырнадцать лет уже должен был уметь обращаться с взрослой версией, которая имеет довольно приличный вес. С кинжалом не расставались ни в поле, ни на охоте. Помимо боевых нужд он, при необходимости, мог исполнять массу бытовых дел. Кинжал был самым дорогим мужским подарком, и в этом смысле мало что изменилось. Клинок с хорошей отделкой, особенно антикварный, и сегодня стоит очень дорого. Поэтому кинжал является *статусной вещью*, качество оружия и отделки определяет статус владельца.

Для характеристики роли кинжала в культуре кавказских народов мало определить его как сакральный предмет, это не просто сакральный атрибут, а *часть стиля*, культуры суперэтнуса. Еще с малых лет дети приучались к владению оружием. Первую кровь ребенок видел в подростковом возрасте, когда подаренным кинжалом должен был забить мелкое животное или птицу. Это – *инициационный обряд*, посвящавший ребенка в подростка и доказывающий, что он может постоять за себя и свою семью.

Путешествуя по Кавказу, Василий Иванович Немирович-Данченко описывает случайную встречу с мальчиком, несущим вязанку хвороста. На поясе ребенка был большой кинжал, который практически волочился по земле. По лицу Василия Ивановича пробежала усмешка, и тогда сопровождавший его горец заметил: «Ты напрасно подсмеиваешься. Этот мальчик в прошлом году этим кинжалом отбил от волка» [6].

Прибегать к помощи кинжала в разрешении споров было правилом и не вызывало осуждения в обществе. В.И. Немирович Данченко рассказывает такую историю:

«Может быть, ты и хороший человек, да урус» – говорит он от имени проводника кавказца. – «У вас у всех руки сильные, да души воробыиные. Разве подобает мужу крови бояться? Разве не весело, когда кругом звенят шашки и порохом пахнет? Эх, было время!.. Для храбрых людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжалом. Вот тут недалеко случай был: из-за плети триста человек зарезано.

– Это-же как? невольно удивился я» – пишет Василий Иванович.

– «А так, что прежде люди были, а не бабы. Сосед у соседа плеть взял, да забыл воротить ее. Хозяин обругал его, он схватился за кинжал. А в это время народ из мечети шел. Весь аул на две партии разделился. Одни пристали к хозяину плети, другие к его соседу, и пошла «веселая игра». Триста мертвых к вечеру и подобрали... Было время!..» – горестно заключил Магома [6].

«Вот это было веселье» – резонирует рассказчик. Это упоение битвой не просто сродни, а полный аналог упоению битвой в германо-скандинавской культуре. В битве ощущался особого вида экстаз. Валькирии в германо-скандинавской культуре упивались битвой (берсерки – скандинавские воины, впадавшие в экстаз, превращались в волков или медведей – выли рычали, грызли зубами щиты и т. д.) В русском языке упивались, т. е. буквально пили кровь. В представлениях народной культуры кинжал, извлеченный из ножен, требовал крови.

Этот пример показывает, что применение кинжала без ограничительных мер, превращает кинжал из *гаранта справедливости и порядка* в его противоположность, способную уничтожить общественный порядок. Человек с кинжалом превращается в волка. Между мужчиной воином и волком проводилась прямая параллель. Воины, отправляясь в поход, именовались стаей. В иранской культуре армия обозначалась термином «спада», буквально стая. Превращение в волка буквально воспринималось в культуре.

В осетинской культуре проведение военных походов было нормой, своеобразным инициационным действием. После брачной ночи юноша отправлялся в поход, из которого он возвращался мужчиной, полноправным членом

«спады». Эти инициационные походы были частью общеиндоевропейской культуры сродни спартанским походам «криптиям».

Владение кинжалом не только обязывало следовать определенным нормам поведения, но накладывало на владельца ограничения. Эти ограничения передавались в метафорической форме. Известно множество сказаний, в которых меч-кинжал, извлеченный из ножен, требовал крови, иначе не входил в ножны. Франко Кардини в работе «Истоки средневекового рыцарства» приводит несколько примеров того, как реагировал меч на праздное извлечение. Т. е. это надкультурное явление, и его существование в кавказской культуре неслучайность [7].

Обнажив клинок, ты обязан действовать, обнаженный клинок будет требовать крови. Это действие выражается формулой, которая гравировалась на лезвии: «*без нужды не вынимай, без славы не вкладывай*». В истории культуры этот культ клинка прослеживается со скифских древностей, где бог войны скифский Арес почитался в образе акинака-кинжала, и описан Геродотом. На вершине специально сооруженного холма устанавливался меч, лезвие которого обливалось-насыщалось кровью убитых у подножья человеческих жертв.

Итак, культура требовала ограничений в применении кинжала, использование его регламентировалось нормами поведения.

Важнейшей функцией кинжала в культуре было утверждение *справедливости в социуме*. Для нарушителя моральных норм наказанием был кинжал – *орудие мести*. Именно эту функцию видели в кинжале русские поэты:

«Лесбосский бог тебя ковал

Для рук бессмертной Немизиды» – писал А.С. Пушкин.

Ему вторит М.Ю. Лермонтов:

«Люблю тебя, булатный мой кинжал,

Товарищ светлый и холодный.

Задумчивый грузин на месть тебя ковал,

На грозный бой точил черкес свободный».

Эта своеобразная роль кинжала в горской культуре выполняла ту же роль, которую играл в североамериканской культуре «кольт». Деграция этой роли началась с запретов ношения кинжалов русской администрацией в конце кавказских войн, с одной стороны, с другой – появление огнестрельного оружия обесценивает кинжал и искусство владения им.

Обсуждение и заключение. Кинжал в горской культуре был знаком воинской зрелости, знаком мужчины, прошедшего инициацию, гарантом добропорядочности, защитником чести и достоинства. Важная роль в культуре кинжала и его функциональные качества сделали его популярным и за пределами горских территорий. Ношение кинжала накладывало на человека определенный круг обязанностей. В современной культуре эти обязанности забыты, а на первый план вышла декоративная функция предмета.

С выходом границ Российской империи на Кавказ и особенно вследствие кавказских войн удобное в применении оружие доказало свое достоинство. Служившие на Кавказе русские офицеры начали первыми перенимать этот вид оружия, и щеголяли в свете в черкесках и при кинжалах. Одновременно с этим по ходу ведения кавказских войн военной администрацией было запрещено ношение кинжалов гражданскими лицами. Но уже хорошо отлаженное производство кинжалов нашло новый рынок сбыта: кинжалы стали перенимать казаки-линейцы, а с 1904 г. кинжал стал уставным оружием казаков. Через офицеров, служивших на Кавказе, кинжал входит в русскую культуру. Любопытно то, что восприятие кинжала русскими в поэтической форме приписывало ему функцию мстителя, вершителя справедливости, направленного против злодеев:

Лемносский бог тебя сковал

Для рук бессмертной Немизиды,

Свободы тайный страж, карающий кинжал,

Последний судия Позора и Обиды.

(поэт воспевает кинжал как оружие мести)

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона,

Свершитель ты проклятий и надежд,

.....

(Это тихий безмолвный мститель, от которого нет спасения.

И далее следует череда примеров, когда кинжал устанавливал Закон и мстит его нарушителям)

«Шумит под Кесарем заветный Рубикон,

Державный Рим упал, главой поник Закон;

Но Брут восстал вольнолюбивый:

Ты Кесаря сразил – и, мертв, объемлет он

Помпея мрамор горделивый».

(Любопытная оценка предательства)

«Исчадь мятежей подымлет злобный крик:

Презренный, мрачный и кровавый,

Над трупом Вольности безглавой

Палач уродливый возник.
Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду».

(А.С. Пушкин. Кинжал. 1821)

(Исчадие ада – Марат, злой гений французской революции, погибший от руки Шарлотты Корде в ванной)

Центральной мыслью поэта была мысль о кинжале как о справедливом мстителе. «Он свободы тайный страж», «Последний судия Позора и Обиды». У М.Ю. Лермонтова кинжал приобретает еще и лирическую коннотацию:

«Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.
Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.
И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.
Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный».

(М.Ю. Лермонтов. Кинжал. 1837)

Кинжал персонифицируется, ему придаются свойства владельца. Культурная эволюция привела к переоценке значения кинжала. Вот как видится значение кинжала изнутри горской культуры в середине XX в. балкарским поэтом Кайсыном Кулиевым:

«Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был. ...»

Двойственная природа кинжала вызывает у поэта двойственные чувства:

«Двух этих чувств пойми причину
И за нее не обессудь, –
Тебя вонзала храбрость в грудь,
А трусость всаживала в спину
Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал...

.....
То был ты славен, то ничтожен
В зависимости от того,
Кто вырывал тебя из ножен
И убивал тобой кого.

.....
Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованный кинжал».

(Кайсын Кулиев. 1961, с. 19)

Противоречивая роль кинжала как всякого оружия в социуме не должна мешать нам разглядеть за оружием, с одной стороны, роль его владельца, с другой – культуругенерирующую составляющую этого объекта материальной культуры.

Список литературы

1. Травников А. *История холодного оружия. Опыт практического исследования*. Гл. I. Большой Кавказский кинжал. Опыт практического исследования. Москва; 2017.
2. Югринов П. *Малая энциклопедия холодного оружия*. Москва; 2010. 272 с.
3. Аствацатурян Э.Г. *История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – нач. XX в. Дагестан и Закавказье*. Ч. I-II. Москва; 1977. С.185.
4. Клейн Л.С. *Археологическая типология*. Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках. Ленинград; 1991.
5. Миллер А.А. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. *Известия Российской академии истории материальной культуры (ИРАИМК)*. Т. IV. 1925. 231 с.
6. Немирович-Данченко В.И. *Воинствующий Израиль. (Неделя у дагестанских евреев)*. Санкт-Петербург; 1880.
7. Франко Кардини. *Истоки средневекового рыцарства*. Москва; 1987. 360 с.
8. Кайсын Кулиев. *Кинжал. Раненный камень*. Москва: Советский писатель; 1968

References

1. Travnikov A. *Istoriya kholodnogo oruzhiya. Opyt prakticheskogo issledovaniya = History of edged weapons. Practical research experience*. Ch. I. Bol'shoy Kavkazskiy kinzhal. Opyt prakticheskogo issledovaniya. Moscow; 2017 (In Russ.).
2. Yuginov P. *Malaya entsiklopediya kholodnogo oruzhiya = Small encyclopedia of edged weapons*. Moscow; 2010. 272 p. (In Russ.).
3. Astvatsaturyan E.G. *Istoriya oruzheynogo i serebryanogo proizvodstva na Kavkaze v XIX – nach. XX v. Dagestan i Zakavkazye = History of weapons and silver production in the Caucasus in the 19th – early 20th century. Dagestan and Transcaucasia*. Ch. I-II. Moscow; 1977. p.185. (In Russ.).
4. Klein L.S. *Arkheologicheskaya tipologiya = Archaeological typology*. Alekseev A.Yu. Sketch about akinaki. Leningrad. 1991 (In Russ.).
5. Miller A.A. Novyy istochnik k izucheniyu svyazi Skifii s Kavkazom = A new source for the study of the connection between Scythia and the Caucasus. *Izvestiya Rossiyskoy akademii istorii materialnoy kultury*. V. 4. 1925. 231 p. (In Russ.).
6. Nemirovich-Danchenko V.I. *Voinstvuyushchiy Izrail. (Nedelya u dagestanskikh yevreyev) = Militant Israel. (Week among Dagestan Jews)*. Saint Petersburg; 1880 (In Russ.).
7. Franko Kardini. *Istoki srednevekovogo rytsarstva = The origins of medieval knighthood*. Moscow; 1987. 360 p. (In Russ.).
8. Kaysyn Kuliyeu. *Kinzhal. Ranennyy kamen = Dagger. Wounded stone*. Moscow; 1968 (In Russ.).

Об авторах:

Месхи Бесарион Чохоевич, доктор технических наук, профессор, ректор, Донской государственный технический университет (РФ, 344010, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), sciphica@ssc-ras.ru

Лукьяшко Сергей Иванович, заведующий кафедрой археологии и истории культуры, Донской государственный технический университет (РФ, 344010, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/)

Поступила в редакцию 30.01.2024

Поступила после рецензирования 16.02.2024

Принята к публикации 16.02.2024

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Meskhi Besarion Chokhovich, D. Sc. (Engineering), Professor, Rector, Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344010, RF), sciphica@ssc-ras.ru

Lukiashko Sergey Ivanovich, Head of the Department of Archeology and Cultural History, Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344010, RF), [ORCID](https://orcid.org/)

Received 30.01.2024

Revised 16.02.2024

Revised 16.02.2024

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.